

Философия как призвание и профессия

Семенков В.Е. *Философское знание: модусы производства и признания.* — СПб.: Алетейя, 2011. — 222 с.

Главная задача философа — читать тексты! Эта мысль не единожды встречается в публикациях петербургского философа и социолога Вадима Семенкова. Но, как известно, уже в Новое время ежегодно в свет выходило такое количество публикаций, что на прочтение только их названий человеку не хватило бы жизни. Другими словами, всегда актуальным остается вопрос: что и кого читать? Рецензируемая книга «Философское знание: модусы производства и признания», без сомнения, принадлежит к разряду обязательных к ознакомлению всеми философствующими (как по профессии, так и по призванию) субъектами. Попытаемся обосновать наше бесспорно субъективное мнение путем анализа объективно сильных сторон настоящего издания.

Во-первых, отметим, что книга адресована всему философскому сообществу. В ней отсутствуют сколько-нибудь явно артикулированные политические, мировоззренческие, национальные, религиозные предрассудки, кроме одного — непоколебимой веры в социальную значимость философского знания и главенствующую роль философского общества в решении проблем современного мира. Вместе с тем автор весьма критично подходит к вопросу производства и трансляции философского знания. Современный философ не имеет права ограничить свою работу исключительно уровнем профессионализации; он просто обязан иметь активную гражданскую установку, культивируя при этом легитимную социальную оппозицию.

Из этого следует второй, не менее интересный, вызывающий, провоцирующий вывод о связи философии с идеологией. Откровенно и смело автор маневрирует между Сциллой и Харибдой культуры: идеологией (мировоззрением) и духовностью, политикой и этикой, философией и литературой. Это позволило ему высказать «еретическую» со времен Беловежской Пуши мысль о нелегитимности философского знания вне идеологического пространства социума. Среди множества аргументов в пользу этой позиции исследователь цитирует Р. Рорти, который с горечью зафиксировал, что ни одному журналисту не придет в голову спрашивать философа о чем-либо. Но в чем причина столь низкого интереса и, по всей видимости, доверия к философам в сфере общественных дискуссий?

Анализ этой проблемы привел Вадима Семенкова к выводу о профессиональном инфанти-

лизме философского сообщества. Этот феномен состоит в том, что большей частью философы ориентированы на чтение и интерпретацию философской классики, избегая тем самым ответственности за высказывания о настоящем.

Но так ли это на самом деле? Неужели философы не анализируют существующее социальное пространство, не высказываются по поводу актуальных вопросов политики, экономики, морали, инновационного прогресса? Вопрос, как говорят, риторический. Имея в арсенале богатый методологический инструментарий, накопленную столетиями систему знаний, владея достаточными риторическими навыками, философское сообщество не может не иметь непосредственного влияния на общественное мнение, особенно если учесть тот факт, что большинству философов доступны университетские кафедры. На наш взгляд, профессиональный инфантилизм — это следствие выработанного в веках и сохраненного (к сожалению или к счастью) философским сообществом

особого философского габитуса, чувства самокритики и самоконтроля.

Философ *не станет экспертом*, ибо он понимает относительность истины; он *не ищет публичности*, ибо не умеет проповедовать; он *отбрасывает риторiku*, ибо боится славы софиста; он *сторонится идеологий*, ибо желает сохранить чистоту мотива философской веры. Трудно его в этом упрекать.

Понимая это, автор все же формулирует неудобный *вопрос о признании, востребованности и легитимности* в социальной среде философского дискурса. Несмотря на известную давность проблемы, не может не вызывать восхищения направление мысли автора при её решении: он ставит упрек самим философам, только их винит в утрате философией своего высокого статуса. Обобщить сущность претензий, на наш взгляд, можно такой аналогией: прекрасный певец в эпоху Интернета распространяет свои песни на виниловых пластинках, уверяя, что только на таком носителе его голос наиболее чист. Очевидно, ни о какой известности, признании авторитета, почитании речь в этом случае идти не может.

Другими словами, устарела не философия, не способы производства философского знания, а форма его репрезентации и признания. Трудно поверить в то, что в обществе, которое взалхлеб зачитывается Козельо, нет места Хайдеггеру, Фуко, Делёзу. Человек — существо разумное не только по определению. Он в принципе любит думать. Ему льстит, когда с ним обращаются на равных политики, поэты, художники, литераторы. В качестве примера Вадим Семенов анализирует причины популярности советского философа М. Мамардашвили и современного российского мыслителя А. Дугина. Известность им принесли не уничижение философии или превращение её в примитивную интеллектуальную конструкцию (чего так боятся кабинетные философы и что уже давно реализовали продавцы дешевых истин), а как раз обратное — *публичность* сложного философского языка, *уважение* непростого философского текста, *истина* универсальных философских конструкций, *вера* философа в будущее Человека.

В работе, написанной с позиций социологии знания, представлен анализ современных философских практик, модусов признания и способов конституирования философских сообществ. Автор фокусирует внимание на состоянии профессионального философского сообщества, на стратегиях, условиях и модусах социального признания философского знания.

В книге отстаивается автономия философии по отношению к позитивному, научному

знанию: хотя философия должна освоить совокупность достижений науки, но должна также сохранять собственную самостоятельную позицию, что и определяет перманентную проблематичность философии.

В отличие от ученого, который получает признание своих научных результатов, своей профессиональной состоятельности в научном сообществе, философ может получить это признание и во внепрофессиональном сообществе, и довольно простыми способами — за счет создания свободной ассоциации интеллектуалов. Вместо профессионального сообщества со всеми его организационными атрибутами могут создаваться свободные ассоциации тех, кто ассоциативно считает себя коллегами или единомышленниками. Отсюда следует, что можно говорить о двух логически возможных модусах признания философского продукта: публичном и корпоративном. Если в рамках публичного («внешнего») модуса признания философского знания философия рассматривается как культурный феномен, то в рамках корпоративного («внутреннего») модуса признания философия рассматривается как определенная интеллектуальная традиция, как форма истины. Разные модусы признания философии задают разные системы оценки философии и разное отношение к новизне. В принципе и в той, и в другой позиции спрос на новизну есть, но понимается эта новизна по-разному.

Философ — человек, вырабатывающий суждения. Эти суждения предназначены для вынесения на суд аудитории, т.е. предназначены для «других». Число «других», которые слышат его слово, определяет ценность «Я» философа. Перед философским сообществом всегда стоит двойная задача: как критически учесть общественное мнение по поводу того или иного мыслителя или философского направления, сохранив при этом свою независимость от общества. Внешние запросы и воздействия, т.е. сигналы, исходящие от общества, должны инициировать творческий ответ философов, в противном случае философ рискует оказаться невостребованным в обществе, но этот творческий ответ предполагает общий язык и наличие авторитетных и там, и там текстов.

Многие люди нуждаются в том, чтобы их научили говорить об определенных вещах, отсутствующих в их повседневной жизни. В том числе и о вещах философского характера. Эти люди и образуют внекорпоративную аудиторию философского дискурса, воспринимая который, люди научаются говорить о каких-то абстрактных объектах (судьба государства, права челове-

---

ка, красота). Эту задачу «научения говорить» в отношении неискушенной в философской рефлексии аудитории выполняет философ. Такое «научение говорить» является вторым значением понятия «учить пониманию». Философ своими высказываниями дает некий пример понимания, и общество может согласиться или не согласиться с этим высказыванием. Но, соглашаясь с философским высказыванием, принимая его, общество оказывается в новой ситуации понимания. Тем самым философ определяет то место, где общество начинает себя понимать с точки зрения уже новой ситуации.

В книге приводится мысль Р. Дебре о том, что быть интеллектуалом означает не столько образованность, сколько стремление оказывать определенное влияние на людей; человек, стремящийся влиять, — одна из разновидностей человека действия. Это высказывание об интеллектуалах вполне подходит и к философам: главное для философа — заставить себя слушать. В этом плане философ выступает соци-

ально значимой фигурой, а философия — практическим делом.

Хотя автор четко проводит различие между философией и наукой, материал книги очень полезен и актуален и для науковедов, поскольку в ней на оригинальной аргументации ставятся проблемы призвания и профессионального признания, авторитета в науке и философии, связей науки и философии с общественными запросами.

В заключение хотелось бы отметить, пожалуй, наиболее характерную особенность рецензируемого исследования — это *честность*. В каждой строке слышатся искреннее сопереживание автора, сопричастность к насущным проблемам философии, его внутренняя боль.

Прибегая к метафорам, скажем, что книга Вадима Семенкова — это своеобразный бизнес-тренинг для философского сообщества, открытый «мужской» разговор, профессионально поставленный диагноз. А что еще нужно для успешного лечения? Только желание!

В.И. Оноприенко, д-р филос. наук, профессор
С.Н. Ягодзинский, канд. филос. наук, доцент